

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8)

Научная статья

УДК 811

doi: 10.18522/2070-1403-2024-102-1-61-67

НАРРАТИВНЫЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАССКАЗА Ю. КАЗАКОВА «АДАМ И ЕВА»

© *Маргарита Сергеевна Кармазина*

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

Karmazina.ms@dvfu.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности нарратива и синтаксиса рассказа Ю. Казакова «Адам и Ева». Проводится последовательное деление текста на композиционные типы речи в соответствии с подходом, предложенным Е.А. Иванчиковой, и анализ каждого из них. Показано, что к ярким особенностям нарратива относится то, что рассказ написан от лица экзегетического повествователя, однако в некоторых местах текста нарратор уступает герою право на высказывание: это происходит через использование автором свободно-косвенного дискурса, при котором определенные эгоцентрические элементы текста принадлежат герою, а не повествователю. К синтаксическим же особенностям рассказа относится, например, синтаксическое воплощение мотива воспоминания, которое проявляется через сложные предложения с рядами однородных членов.

Ключевые слова: нарратив, синтаксис, рассказы Ю. Казакова, повествование, эгоцентрические элементы, орнаментальная проза.

Для цитирования: Кармазина М.С. Нарративные и синтаксические особенности рассказа Ю. Казакова «Адам и Ева» // Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 102. № 1. С. 61-67 doi: 10.18522/2070-1403-2024-102-1-61-67

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8)

Original article

Narrative and syntactic features of Y. Kazakov's story "Adam and Eve"

© *Margarita S. Karmazina*

Far Eastern federal university, Vladivostok, Russian Federation

Karmazina.ms@dvfu.ru

Abstract. The article examines the features of the narrative and syntax of Y. Kazakov's story "Adam and Eve". A consistent division of the text into compositional types of speech is carried out in accordance with the approach proposed by E.A. Ivanchikova, and analysis of each of them. The study showed that the striking features of the narrative include the fact that the story is written in a traditional narrative on behalf of the exegetical narrator, but in some places in the text the narrator cedes the right to the hero to speak: this happens through the author's use of free-indirect discourse, in which certain egocentric elements of the text belong to the hero, not the narrator. The syntactic features of the story include, for example, the syntactic embodiment of the motive of memory, which manifests itself through complex sentences with rows of homogeneous members.

Key words: narrative, syntax, stories by Yu. Kazakov, narration, egocentric elements, ornamental prose.

For citation: Karmazina M.S. Narrative and syntactic features of Y. Kazakov's story "Adam and Eve". *The Humanities and Social Sciences*. 2024. Vol. 102. No 1. P. 61-67 doi: 10.18522/2070-1403-2024-102-1-61-67

Введение

В начале XXI в. начинается активное изучение литературных произведений с точки зрения нарратологии, и на сегодняшний день метод нарративного анализа продолжает оставаться одним из популярных способов рассмотрения художественного текста. Таким образом, изучение рассказа Казакова «Адам и Ева» с позиций нарратологии органично продолжит уже сложившуюся традицию изучения нарративов и их организации в творче-

стве других писателей. Кроме того, изучение нарративной структуры произведения неотделимо от анализа его синтаксических особенностей, поэтому в данной работе был также проведен анализ синтаксиса рассказа.

Обсуждение

Жанровая природа рассказа Ю.П. Казакова «Адам и Ева» сложна. По классификации Н.Е. Егниновой данный рассказ может быть отнесен к типу рассказов-«событий», т.к. главным для Егниновой в определении жанра является то, от какого лица ведется повествование в тексте. Рассказы-«события», по мнению исследовательницы, характеризуются тем, что имеют орнаментальные признаки, они «внепсихологичны только на первый взгляд» [2, с. 16]. Егнинова также пишет, что в текстах такого типа за основной сюжетной конвой скрыт некий «сверхсмысл» [2, с. 16]. По мнению В. Шмида «орнаментализация прозы неизбежно влечет за собой ослабление ее событийности» [7, с. 149]. Но это в то же время обогащает подобный текст, т.к. «смысловые возможности значительно увеличиваются за счет взаимоотношений полушарий поэзии и прозы» [7, с. 149]. Это дает основание полагать, что в рассказе «Адам и Ева» несмотря на его внешнюю сюжетность, существует внутренний психологический пласт.

Событие, составляющее основу повествования «Адама и Евы», представляет собой классический для творчества Казакова сюжет – встреча возлюбленных после разлуки. Подобный сюжет представлен в других рассказах писателя, например, в «Двое в декабре» [1] и в «Осени в дубовых лесах», проанализированных нами ранее.

Как и в рассказе «Осень в дубовых лесах», главный герой, мужчина, находящийся на Севере, ждет прибытия своей возлюбленной. Но, в отличие от этого рассказа, в «Адаме и Еве» повествователь – экзегетический. Е.В. Падучева же определяет такого повествователя как рассказчика, который не называет сам себя, т.е. выражается в тексте имплицитно, а также не принадлежит миру текста и не занимает какую-либо определенную позицию с точки зрения времени и пространства [6, с. 203]. С нарративной точки зрения этот рассказ сближается с «Двое в декабре», который также написан от третьего лица.

Главный герой рассказа – художник Агеев – разочарован в жизни и творчестве. Фамилия героя, происходящая от еврейского имени Агей, что означает «праздничный», «торжественный», «веселящийся», совсем не отражает характер героя. Как сообщает экзегетический нарратор, Агеев был талантлив еще с детства, и в момент повествования он, хотя ему всего двадцать пять лет, смотрит на других с презрением: «<...> презрительно было лицо его, презрительны, тяжелы набрякшие коричневые веки и нижняя губа, ленив и высокомерен взгляд темных глаз» [4, с. 289]. Одна из причин презрения героя кроется в том, что его творчество несправедливо оценили критики: «Пишешь весну – говорят: не та весна! Биологическая, видишь ли, получается весна!» [4, с. 298].

Критикам, по мнению Агеева, нужно от него изображение человека «с большой буквы», а его интересуют обычные люди. Примечателен также фрагмент, где Агеев рассуждает о своих критиках: «Агееву было одиноко, но он сидел и сидел, <...> думая о себе, о своих картинах, <...> и что он сидит черт знает где, в то время как разные критики живут в Москве на улице Горького, сидят сейчас с девчонками в ресторанах, пьют коньяк <...> А утром эти критики, перешибая похмелье кофеем и сердечными каплями, пишут про него статьи и опять врут...» [4, с. 303]. Данный пример показывает то, что Агеев осуждает в критиках то, к чему склонен сам, и эти рассуждения выдают в нем человека, нетерпимого к слабостям других.

Талант Агеева автор подчеркивает такой фразой: «с такой неистребимой яркостью, что даже в груди ломило» [4]. Последний пример интересен с той точки зрения, что в нем осуществляется перемена фокализации: экзегетический нарратор частично уступает в оценке ситуации герою, самому Агееву, т.к. только сам художник может знать, как «ломит» у него в груди. Модусный план рассказа обогащен за счет использования автором различных эгоцентрических элементов, выражающих отношение героя к происходящему. Как и в рассказе «Двое в декабре», в нарративе «Адама и Евы» широко представлены эгоцентрические эле-

менты, указывающие на свободно-косвенный дискурс (СКД). Данные элементы принадлежат герою, т.к. выражают его чувства или оценку происходящего. Например: «*А ведь когда-то у него начиналась бродяжья тоска и сердцебиение от одного вида перрона и рельсов*» [4, с. 291], «*<...> рассеянно подумал он и вдруг испугался, что приезжает Вика, и закурил*» [4, с. 292], «*От волос ее пахло горько и непонятно*» [4, с. 296], «*На крыльце он стоял и плевался, почему-то был полон рот сладкой слюны, она все собиралась внутри, и он плевался, а в горле стоял комок и душил его*» [4, с. 308], «*Агеев увидел Викины сухие губы, лицо ее, вдруг такое дорогое, у него опять дрогнуло сердце <...>*» [4, с. 313]. Среди эгоцентрических элементов выделяются наречия, в том числе местоименные (со значением неопределенности – «почему-то» и оценки – «горько и непонятно») и предикаты, передающие внутреннее состояние Агеева («испугался», «дрогнуло»). Инверсированный порядок компонентов в приведенных предложениях привносит в них оттенок экспрессивности.

Название рассказа отсылает к мифу об Адаме и Еве, как о первых мужчине и женщине, пребывающих в райском саду и совершивших грехопадение. Герои в рассказе вдвоем высаживаются на маленький остров и оказываются там одни, не считая хозяйки гостиницы, но, если в библейском сюжете первый шаг к падению совершает Ева, в рассказе Казакова духовное разложение начинается с мужчины. Агеев ведет пустую и скучную жизнь, в которой каждый новый день похож на предыдущий. На Север он приехал писать рыбаков, но в его жизни мало творчества и много алкоголя: «*Часа через два он приходил в гостиницу, и уж ему хотелось спать, он ложился и засыпал. А проснувшись, снова спускался вниз, в ресторан*» [4, с. 290].

Дни героя похожи один на другой. Мотив пустоты жизни закладывается еще в самом начале текста в описании города: «*Широки были его площади, улицы, бульвары, и от этого казался он пустым*» [4, с. 289]. В городе Агееву скучно и одиноко, и герой связывает с прибытием Вики возможные изменения к лучшему: «*Спасение его было сейчас в Вике, и он знал это*» [4, с. 299]. Но он, оказывается, не готов к тому, что Вика может не разделять его взгляды на творчество и критику, это «*приводит его в бешенство*» [4]. Агеев ожидает от девушки, как от Евы, покорности, молчаливой поддержки и обожания и переполняется злостью, когда этого не происходит: «*– Ты! – Агеев побледнел. – Студенточка! Ты еще в стороне, ты с ними не сталкивалась, книжечка, диамат, практика...*» [4]. Художник готов выбрать более простую девушку, рыжую официантку Жанну, обслуживающую его в буфете: она, в отличие от Вики, не будет в нем сомневаться.

Агеев и Вика противопоставлены друг другу, как противопоставлены Север и Москва. Этот мотив задается уже в портретной характеристике героини: «*Вика была очень хороша, а в одежде ее, в спутанных волосах, в манере говорить было что-то неуловимое, московское, от чего Агеев уже отвык на Севере*» [4, с. 292]. Подобное противопоставление есть и в рассказе «Осень в дубовых лесах»: в том тексте рассказчик и девушка противопоставлены друг другу, например, отношением к Северу: она «*крепко спала ночами на тонях за ситцевой занавеской...*», тогда как герой, находясь там, чувствовал себя чужим [4, с. 178].

У Агеева и Вики отношения только начинаются: «*Они еще не любят друг друга по-настоящему, ничем не связаны, еще встречаются с кем-то, кто был у них раньше, еще не знали ночей, неизвестны друг другу, но у них есть уже прошлое*» [4, с. 297]. Для творчества Казакова важен мотив воспоминания. Агеев, как герои рассказов «Двое в декабре» и «Осень в дубовых лесах», тоже вспоминает прошлую встречу с Викой: «*Он вспомнил, как в первый раз поцеловал ее в Москве, в коридоре, в гостях у приятеля*» [4]. Однако в момент действия рассказа у художника не получается выстроить отношения с девушкой: Агеев заиклен на себе и своем творчестве, в результате чего теряет свою Еву. Вика, обиженная и оскорбленная поведением возлюбленного, уезжает обратно в Москву. Разобщение героев хорошо иллюстрируют их диалоги, на которых мы подробнее остановимся ниже.

Герой вспоминает не только встречу с Викой, но и свои детские годы и мать: «*Тотчас вспомнил он и мать, и ее к нему любовь, всю жизнь ее как бы в нем, для него. И себя самого – такого быстрого, подвижного, с такими приступами беспричинной радости и живости, что*

даже не верилось теперь, что он мог быть когда-то таким» [4, с. 304]. Эти воспоминания о прошлом и поведение Вики приводят героя к тому, что он начинает болезненно сомневаться в себе: «А вспомнив все это, он тотчас усомнился в себе и подумал, что, может быть, и правы все его критики, а он не прав и делает вовсе не то, что нужно» [4, с. 304]. Уязвленное самолюбие и внутренняя неуверенность и приводят Агеева к тому, что он отвергает Вику.

Обратимся к синтаксической структуре текста рассказа. Для ее исследования мы использовали подход Е.А. Иванчиковой, который заключается в последовательном выделении в тексте композиционных типов речи [3]. В «Адаме и Еве» мы выделили следующие композиционные типы речи: 1) повествование; 2) рассуждение; 3) описание; 4) диалоги героев; 5) монологи Агеева; 6) реплики героя, обращенные к самому себе.

В композиционном типе «повествование» можно выделить контексты информативного типа и контексты психологического типа.

Так, в контекстах информативного типа преобладают простые предложения с однородными предикатами: «Потом **встал, закурил, подошел к окну**» [4, с. 306], «Она **встала, еще раз вздохнула, посмотрела несколько секунд пристально, не мигая, на лампу, потом надела пальто**» [4, с. 314]. В данных примерах нанизывание автором предикатов совершенного вида (СВ) создает в тексте ощущение последовательных событий. Это также придает тексту особый ритм и динамичность.

В данном типе встречаются и сложные предложения с бессоюзной связью между частями, также осложненные однородными и другими конструкциями: «Придя на пристань, Агеев **поставил чемодан, Вика тотчас присела на него, сжалась в комочек, замерла** [4, с. 315], «Канат **натянулся, заскрипел, пристань дрогнула, подалась**» [4, с. 317].

Иначе строятся контексты психологического типа, в которых внутреннее состояние Агеева передается через действия или чувства, которые сменяют друг друга: «<...> все это страшно **обрадовало Агеева, хотя минуту назад он испытывал стыд и неловкость оттого, что она приехала**» [4, с. 293], «Агееву **было одиноко, но он сидел и сидел, покуривая, привыкая к тишине, к чистому запаху осенней свежести и воды, думая о себе, о своих картинах** <...> [4, с. 303], «То ему вдруг остро, до боли, как воздуха, **захотелось услышать запах чая** <...> [4, с. 304]. Если в контекстах информативного типа предикаты выражены формами СВ, что придает тексту динамику, то в данных примерах – предикаты выражены формами несовершенного вида (НСВ), что замедляет повествование, придает ему размеренность.

Тип «рассуждение» характеризуется использованием сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительными с однородным присоединением придаточных: «Он **пожалел, что теперь осень и холодно, что он в сапогах, в свитере** <...> [4, с. 305], «Он **думал, что всю жизнь не хватало ему, наверное, какой-то основной идеи – идеи в высшем смысле. Что слишком часто он был равнодушен, вял и высокомерен в своей талантливости ко всему, что не было его жизнью и его талантом**» [4, с. 304], «Он **думал, что все равно будет делать то, что должен делать. И что его никто не остановит. И что это ему потом зачтется**» [4, с. 308]. В приведенных предложениях семантика опорных слов-глаголов заключается в обозначении мыслительной деятельности.

В двух последних примерах используется парцелляция, которая придает фрагментам экспрессию, указывает на сложный внутренний мир героя и на его решимость идти своим особым путем. Мысли героя в типе «рассуждение» передаются автором через несобственно-прямую речь или СКД: «Да, **это хорошо** вдруг потом, где-то на севере, вспомнить недавний, но в то же время уже навсегда ушедший вечер. Это значит, что у них есть история. Они еще не любят друг друга по-настоящему, ничем не связаны, еще встречаются с кем-то, кто был у них раньше, еще не знали ночей, не известны друг другу, но у них есть уже прошлое. **Это очень хорошо**» [4, с. 297]. В данном примере можно увидеть лексический повтор, обрамляющий данный фрагмент: «это хорошо», «это очень хорошо».

В типе «описание» структура предложений может быть выражена следующими формулами: «где находилось что и какое», или «что было какое», «как было что». Например: «День

уже **кончался**, за окном **меркло**, наступал вечер, в ресторане **начинал играть джаз**» [4, с. 290], «Где-то внизу **благодатно kloкотало и бурлило**, ходили в горячем масле желтые поршни, **было тепло**, а каюта на носу была мрачна, холодна и застарело **пахла**» [4, с. 295], «В гостинице хорошо **светились** окна, тогда как церковь **была темна**, замкнута и чужда ему» [4, с. 305]. В данных примерах представлены сложные бессоюзные и сложносочиненные предложения, что делает их похожими на фрагменты из типа «повествование». В типе «описание», как и в повествовательных контекстах психологического типа, предикаты выражены формами НСВ, что создает ощущение протяженности действия, делает текст текучим и неторопливым. Но, если в повествовательных контекстах через эти формы передается состояние Агеева, то в данном типе формы НСВ передают состояние окружающей среды.

Описания в тексте связаны с восприятием героя: как художник, он подмечает детали, обращает внимание на цвета и ракурсы: «Он **оборотился и стал смотреть**, как она подходит в **черном ворсистом пальто**. Пальто было **растегнуто**, и коленки ее, когда она шла, **толчками округляли подол** платья» [4, с. 292], «Из-под волос на Агеева испуганно глядели с **татарским разрезом** глаза, а рот был **ал, туг, губы потресканы, сухи и полуоткрыты**, как у ребенка» [4], «Сперва он увидел небо в пролеты, когда выбирался из люка на площадку, – небо наверху с **редкими пушистыми** облачками, с первыми крупными звездами, со светом в глубине, с **синими** лучами давно затаившегося солнца» [4, с. 312]. Кульминационным моментом рассказа является появление на небе северного сияния: «Из-за церкви, из-за немой ее черноты, **расходясь лучами, колыхалось, сжималось и распухало слабое голубовато-золотистое северное сияние**» [4, с. 315]. Герои сталкиваются с чудом, однако даже оно не способно их сплотить, в отличие от рассказа «Осень в дубовых лесах», где герои столкнулись с неожиданной красотой заснеженного леса, и это переживание прекрасного лишь больше сблизило их.

Диалоги героев иллюстрируют отсутствие взаимопонимания между ними. Например: «– Дождь, – сказала Вика. – Я люблю дождь. Я люблю думать, когда дождь. / – Ты можешь помолчать? – Агеев закурил и поморгал, глазам было горячо» [4, с. 307]; «– Ну, валяй! – сказал Агеев и небрежно потрепал Вику по плечу. – Счастливо! / Губы у Вики задрожали. / – Прощай! – сказала она и, постукивая туфельками, поднялась по трапу на палубу» [4, с. 317]. В приведенных репликах Агеев открыто демонстрирует Вике свое напускное пренебрежение. Художник проявляет в адрес девушки и агрессию: «– **Замолчи, дура!** – сказал Агеев с тоской, понимая, что все кончилось. – **И пошла вон, уезжай, катись отсюда!**» [4, с. 307]. Здесь отношение к Вике выражается посредством и лексических, и синтаксических средств: восклицательных предложений, носящих императивный характер. Как и в рассказе «Двое в декабре», между героями нет взаимопонимания и духовной близости, поэтому их отношения заканчиваются прощанием. Как написала Л. Михайлова в статье «Общение с умным героем: Грубая плоть и горе от ума», в «Адаме и Еве» «возобладала вульгарная драма одиночества от самовлюбленности, от принципиального эгоизма (все оправдывается талантом!), от неспособности хоть сколько-нибудь управлять своими инстинктами <...>» [5, с. 214]. Хотя Агеев осознает, что уход Вики для него несет необратимые и губительные последствия («От Адама уходила Ева, и это должно было случиться не когда-нибудь, а сейчас. И это было как смерть <...>» [4, с. 316]), противиться этому он не может.

Но герой общается не только с Викторией. Так, отправляясь с острова в магазин за сигаретами и водкой, Агеев встречает рыбака, который приглашает его выпить с ним и его товарищами. Реплики рыбака показывают его необразованность и простоту, ту простоту обычного человека, которую так стремится запечатлеть в своих картинах Агеев: «– **К нам недалече** <...> **да ты не боись**, мы за тобой сами придем. А так, **коли надумаешь**, так спроси **степановскую бригаду**, это я, **Степанов-то**, понял? <...> **Прощай покуда**, побегу, ребята **дождидают**» [4, с. 310]. Эту же простоту олицетворяет официантка Жанна, уже упомянутая выше. Ее реплики тоже выдают необразованность девушки: «– **О! Им надобятся** рыбаки. И рабочие, стрел...стрелочники» [4, с. 291].

В своих монологах Агеев, хотя и обращается к Вике, в первую очередь стремится выразить себя и свое отношение к творчеству. Поэтому данный тип противопоставлен типу «диалоги героев». Как отмечал в своей работе Л.П. Якубинский со ссылкой на Л.В. Щербу, монолог – искусственная форма речи, в отличие от диалога, который является формой естественной, т.к. «подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге» [8, с. 30]. Монолог в отличие от диалога, обладающего композиционной простотой, имеет сложную композицию, что обусловлено его природой.

Монологи художника в рассказе крайне эмоциональны, на что указывает обилие в них риторических восклицаний, а также умолчаний, которые передают обрывочность реплик героя: *«Идиоты! Чему завидовать? Что я над каждой картиной... Что у меня мастерской до сих пор нет? <...> Критики! Кричат о современности, а современность понимают гнусно. И как врут, какая демагогия за верными словами!»* [8, с. 298], *«Ихнему проясненному взору представляется непременно весь человек – страна, тысячелетия, космос! Об одном человеке они не думают, им подавай миллионы. За миллионы прячутся, а мы, те, кто что-то делает, мы для них пижоны... Духовные стилиаги – вот кто мы! Геро-оика!»* [8, с. 299]. В данном типе наряду с сложными предложениями выделяются односоставные или неполные: *«Пишешь весну – говорят: не та весна! Биологическая, видишь ли, получается весна. А? На выставку не попадешь, комиссии заедают, а прорвался чем-то не главным – еще хуже»* [8, с. 298]. В данном примере представлены бесподлежащие предложения с обобщающим значением. Агеев стремится передать, что то, с чем он сталкивается в своей творческой жизни, в равной степени применимо и к другим художникам.

Слова героя, обращенные к самому себе, тоже носят отрывочный характер: *«Ну куда меня черт несет? Ай-яй-яй, до чего плохо!»* [8, с. 295]. *«На юг бы мне, на юг, к морю... – тоскливо подумал он и встал»* [8, с. 305]. Агеев запутался в себе, сам не понимает, идет ли он верным путем. Художник колеблется: то ему кажется, что он «мессия», перед ним стоит великая задача и он способен совершить творческий подвиг, то начинает сомневаться: а вдруг критики правы и он идет не тем путем. Агеев и сам предчувствует свой конец: так, в момент одиночества, ему представляется вереница зрителей, проходящая по залам, где размещены его картины, лица которых имеют скорбное выражение: *«Почему скорбное, что-то я не так думаю» – обрывает себя Агеев* [8, с. 308]. Он боится признать себе в том, что уже знает подсознательно.

Выводы

Рассказ «Адам и Ева» написан преимущественно в традиционном нарративе, лишь в некоторых местах текста экзегетический нарратор уступает своему герою право на высказывание. Главный герой, Агеев, – художник, поэтому описательные фрагменты отражают его особый взгляд на мир: в них переданы цвета, ракурсы, детали, которые мог бы заметить только человек, обладающий уникальным творческим видением. Рассказ «Адам и Ева», хотя и относится по классификации Егниновой к типу рассказов-«событий», содержит в себе некий «сверхсмысл», связанный с переживаниями главного героя. Передать чувства Агеева помогают реплики, в которых он обращается к самому себе, развернутые монологи, а также его мысли, переданные в композиционном типе «рассуждение» через СКД.

Диалоги с девушкой построены преимущественно как простые нераспространённые предложения, в репликах Агеева видна агрессия, которая проявляется в синтаксисе через использование автором восклицательных предложений, а также в подборе лексических средств («дура», «студенточка» «катись» и др.). К синтаксическим же особенностям рассказа относятся, например, синтаксическое воплощение мотива воспоминания, которое проявляется через сложные предложения с рядами однородных членов. Также автором широко применяется прием парцелляции. Он позволяет писателю передать неуступчивость и категоричность характера главного героя. Инверсированность некоторых предложений в рассказе также повышает экспрессивность текста.

Список источников

1. Баранова М.С. Особенности нарративной структуры новеллы Ю.П. Казакова «Двое в декабре» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 5. С. 1333–1338.
2. Егнинова Н.Е. Рассказы Ю.П. Казакова в контексте традиций русской орнаментальной прозы // Автореф. дис. канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2006. 174 с.
3. Иванчикова Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: Изд-во «Наука», 1979. 286 с.
4. Казаков Ю.П. Двое в декабре: рассказы. М.: Вече, 2022. 416 с.
5. Михайлова Л. Общение с умным героем: Грубая плоть и горе от ума. Знамя. 1963. № 11. С. 213–215.
6. Падучева Е.В. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
7. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
8. Якубинский Л.П. Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986. С. 17–58.

References

1. Baranova M.S. Features of the narrative structure of the short story by Yu.P. Kazakova “Two in December” // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2021. T. 14. No. 5. P. 1333–1338.
2. Egninova N.E. Stories by Yu.P. Kazakova in the context of the traditions of Russian ornamental prose // Abstract. dis. cand. Phil. Sciences. Ulan-Ude, 2006. 174 p.
3. Ivanchikova E.A. Syntax of Dostoevsky’s fiction. M.: Publishing house “Nauka”, 1979. 286 p.
4. Kazakov Yu.P. Two in December: stories. M.: Veche, 2022. 416 p.
5. Mikhailova L. Communication with a smart hero: Rough flesh and woe from the mind. Banner. 1963. No. 11. P. 213–215.
6. Paducheva E.V. Semantic studies. M.: Languages of Russian Culture, 1996. 464 p.
7. Schmid V. Narratology. M.: Languages of Slavic Culture, 2003. 312 p.
8. Yakubinsky L.P. Selected works: Language and its functioning. M., 1986. P. 17–58.

Статья поступила в редакцию 18.12.2023; одобрена после рецензирования 28.12.2023; принята к публикации 28.12.2023.

The article was submitted 18.12.2023; approved after reviewing 28.12.2023; accepted for publication 28.12.2023.